

УДК 812 82 (1 – 87)

Л.Г. Фризман

**НАПОЛЕОНОВСКИЙ МИФ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ: PRO И CONTRA**

Наполеон вошел в русское культурное сознание в начале XIX в. и с тех пор занял в нем огромное место. Совершенно очевидно, что роль этого имени, да и самого этого феномена всегда была разной и зависела от социокультурной ситуации, в которой он возникал. Историки литературы, культурологи, социологи, специалисты в других областях гуманитарного знания оценивали его функционирование в России в разных категориях – мифа, легенды, темы, мотива, фабулы, утверждали, что русские писатели, каждый в своем творчестве, создавали наполеоновский миф или легенду. А.В. Тарарак в новой книге «Интерпретация наполеоновского мифа в русской литературе XIX–начала XX вв.» (2014) [1], в отличие от своих многочисленных предшественников, стремится установить генезис и аспекты этого явления и настаивает на том, что мы имеем дело с наполеоновским мифом, сформировавшимся, как «миф о Спасителе», в котором функцию мифологемы выполняло культурное имя Наполеона, во Франции, но не в России. «Русская литература воспринимала, отражала и интерпретировала наполеоновский миф, – полагает автор. – В ней этот миф не мог ни сформироваться, ни утвердиться, поскольку он был для нее “чужим”». Такая концепция позволила осмыслить столетнюю историю восприятия наполеоновского мифа русской литературой, пересматривая устроившиеся представления относительно многих классических текстов.

Интересный материал собран и осмыслен во второй главе монографии «Наполеон в русском культурном сознании до войны 1812 г.: про и contra». Он вводится в научный оборот едва ли не впервые в таком объеме и дает представление о том, как наполеоновские победы отзывались в периодической печати, в переводных брошюрах

и пр. А.В. Тарарак полагает, что отношение к молодому генералу во многом было обусловлено позицией переводчика или компилятора, переносившего на русскую почву преклонение перед военными талантами и государственной мудростью полководца, переданное с использованием античной метафоры.

Анализируя смену настроений в России в связи с наполеоновскими войнами, автор справедливо говорит о том, что на фоне общего неприятия коварного завоевателя, «идея личного противостояния тирании, борьбы с самовластьем, в конечном счете, индивидуализма вошла в сознание русской молодежи и надолго закрепились именно за Наполеоном». Этим поясняется разница между официальной точкой зрения, транслируемой периодической печатью, и высказываниями в мемуарах, записках, письмах. Между тем, отношение к Наполеону, а затем и к наполеоновскому мифу в русской литературе не было линейным. В разные периоды своего развития она откликалась на те или иные аспекты наполеоновского мифа, причем всегда в связи с преобладавшим литературным направлением, умственными течениями эпохи, общественно-политической обстановкой, полемикой в периодических изданиях, между группами, кружками и т.д. Таким образом, автор получает основания говорить о том, что наполеоновский миф был катализатором поисков ответов на собственно русские вопросы, играл роль отправного момента, полемизирующего фактора. Это в полной мере проявилось и в творчестве Пушкина, и в наследии Толстого, Достоевского, Герцена, и мн. др., где он ни создавался, ни утверждался.

Обращаясь к проблеме функционирования наполеоновского мифа в русской литературе, А.В. Тарарак останавливается на хорошо изученных произведениях, в основном, на русской классике, однако прочитанных под специфическим углом зрения. Предметом самого пристального изучения литературоведов уже была и поэзия 1812 г., и наполеоновская тема у Пушкина, Мережковского, и «наполеоновский цикл» Лермонтова, и стихотворения о Наполеоне Тютчева, Хомякова, – это лишний раз подтверждает первая глава книги, содержащая обширный обзор научной литературы. Однако избранный им ракурс, а также отказ от целостного анализа произведений

дали возможность очертить лишь на те стороны творчества, в которых ощутим отклик на наполеоновский миф. Так, оригинальной находкой представляется осмысление интерпретации Пушкиным наполеоновского мифа через концепт «счастье», что дало возможность А.В. Тарарак разойтись со своими предшественниками и предложить собственный взгляд на эту проблему; сведение в одну главу романтического и неоромантического прочтения мифа, рассмотренного, с одной стороны, сквозь призму его героического аспекта (герой и «тьма»), а с другой, – через важные для символистов концепты «героя» и «поэта». А.В. Тарарак не только возвращается к толстовскому снижению образа завоевателя как символа западной идеи индивидуализма, но и прослеживает, как это отношение к герою проявилось в народном сознании (глава «Наполеон в воспоминаниях Буткевича: “вино кометы”, всадник и курица»). Справедливо признавая сложность воссоздания особенностей восприятия Наполеона в народном сознании, поскольку оно должно быть зафиксировано в письменных источниках, а простой люд плохо владел грамотой, автор монографии подходит к нему через отношение к комете 1811 г. Пушкинское «налейте мне вина кометы...» рассматривается, с одной стороны, в текстологическом ключе с привлечением работ истолкователей наследия поэта, а с другой, – как наводящее ужас астрономическое явление, сущность которого уже хорошо понятна ученым. Соединение в сознании того поколения пролета кометы и наполеоновского нашествия обусловило фактические ошибки в произведениях и в то же время – апокалипсические настроения народа. Все это на фоне непреднамеренного снижения образа героя, осуществленного Буткевичем в гоголевском ключе, подтверждает предположение об истощении силы воздействия наполеоновского мифа как на русскую литературу, так и на общественное сознание.

Так же точно и тонко осмысливается автором выход русской литературы из полосы актуализации наполеоновского мифа и в эстетике футуризма. Хотя материала для наблюдений поэзия Маяковского и Северянина дает не так много, рассмотренная в контексте футуризма в целом она свидетельствует не только о развенчании «старого»

мифа, но и попытке заменить его новым мифом строителя нового мира. Наряду с этим вызывает большой интерес восприятие этого мифа М. Цветаевой, о котором автор, ссылаясь на уже существующие работы, пишет довольно сжато. Вместе с тем, мифологизация Наполеона в эстетике русского символизма и в поэзии М. Цветаевой во многом имели общие корни, что несомненно заслуживало специального внимания.

Проблема, поставленная в монографии А.В. Тарарак, гораздо шире собственно интерпретации наполеоновского мифа в русской литературе. Автор остается в сфере литературоведения, но наблюдения культурологов, историков, книговедов, историков религии, социологов, психологов позволяют говорить о том, что, сформировавшийся в мифологизированной французской культуре, этот миф в России давал толчок для процессов самоидентификации, отграничения «своего» от «чужого», побуждал как отдельных писателей, так и общество в целом давать ответы, как пишет автор, на «специфически “русские” вопросы». Несмотря на равнодушие к этому мифу в русской литературе XX в., интересно было бы проследить, как он отзывался в советской историографии, а также в текстах общественно-политического звучания. Да и в конце века и в связи с двухсотлетием Отечественной войны 1812 г. произошел новый всплеск к этой неординарной личности, отразившийся уже не столько в произведениях литературы, сколько в культуре массовой. Возможно, эта проблема станет темой новых исследований.

Литература

1. Тарарак А.В. Интерпретация наполеоновского мифа в русской литературе XIX–начала XX вв.: монография / А.В. Тарарак. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2014. – 354 с.

Анотація

Л.Г. Фризман. Наполеонівський міф в російській літературі: pro и contra.

У статті йдеться про спробу вирішення проблеми функціонування наполеонівського міфу в російській літературі XIX–початку XX ст. у монографії

О.В. Тарарак. Матеріалом для його розвідки стали художні, документальні, публіцистичні твори, в яких відчутна реакція на розповсюдження «чужого» міфу та його різноманітна інтерпретація. Автор доходить висновку, що ані у російській літературі в цілому, ані у творчості окремих письменників цей міф не міг сформуватися, бо належить до іншої, «чужої» культури, культури завойовника. Його інтерпретація пов'язана із естетикою літературних напрямів, власними ідейно-художніми пошуками митців, соціокультурною ситуацією. На початку XX ст. російська література вийшла зі сфери актуалізації цього міфу, незважаючи на те, що він відіграв роль катализатора пошуків відповідей на суто російські питання.

Ключові слова: міф, легенда, наполеонівський міф, культурний герой, мифологізація.

Аннотация

Л.Г. Фризман. Наполеоновский миф в русской литературе: pro и contra.

В статье идет речь о попытке решения проблемы функционирования наполеоновского мифа в русской литературе XIX–начала XX вв. в монографии А.В. Тарарак. Материалом для его исследования стали художественные, документальные и публицистические произведения, в которых ощутима реакция на распространение «чужого» мифа и его разнообразная интерпретация. Автор приходит к выводу, что ни в русской литературе в целом, ни в творчестве отдельных писателей этот миф не мог сформироваться, потому что принадлежит к иной, «чужой» культуре, культуре завоевателя. Его интерпретация связана с эстетикой литературных направлений, собственными идейно-художественными исканиями творцов, социокультурной ситуацией. В начале XX ст. русская литература вышла из сферы актуализации этого мифа, несмотря на то, что он сыграл роль катализатора поисков ответов на собственно русские вопросы.

Ключевые слова: миф, легенда, наполеоновский миф, культурный герой, мифологизация.

Summary

L.G. Frisman. Napoleonic Myth in Russian Literature: pro and contra.

In my article tells about an attempt to solve the problem of Napoleonic myth functioning in the Russian literature at the edge of the 20th century in A. Tararak's

monograph. The material of his research included art, nonfictional and publicistic works, where we can feel the reaction on the expansion of the “foreign” myth and its various interpretations. The author came to a decision, that this myth could not arise neither in the Russian literature at large, nor in works of certain writers, because it belongs to another, “foreign” culture, to the conqueror’s culture. Its interpretation is bounded with the aesthetics of literature directions, personal ideologic-art pursuits of the authors and the social-cultural situation. At the beginning of the 20th century the Russian literature escaped from the sphere of this myth’s actualization, although it acted as the accelerant for the search of answers to the peculiar Russian questions.

Key words: myth, legend, Napoleonic myth, cultural hero, mythologization.

Інформація про автора

Фрізман Леонід Генріхович: ORCID: 0000-0001-7363-2058; доктор філологічних наук, професор; вул. Пушкінська, буд. 63, кв. 15, м. Харків, 61002, Україна